

Были люди в наше время...

Что это было? Полуюбилей, четвертьюбилей? Да нет, теперь каждый год можно считать праздничным и круглым: 125 лет МХТ – это же надо отметить! Обмыть, обсмеять и оплакать, конечно. Вспомнить всё.

Что это было? Полуюбилей, четвертьюбилей? Да нет, теперь каждый год можно считать праздничным и круглым: 125 лет МХТ – это же надо отметить! Обмыть, обсмеять и оплакать, конечно. Вспомнить всё.

Что это было – «Вечера в Камергерском» на «Культуре» пять вечеров. Пир духа, не меньше. Вели Верники, понятно. А были все, кто мог, кто дожил. Ну, почти.

Разговор о театре, о любимом, прекрасном и ужасном МХТ – что может быть лучше? Это было так искренно, так нежно, волшебно – закачаешься.

Пир духа – это не я сказал, а великолепная Наталья Тенякова. Кто-то улыбнулся, но остальные сохранили серьезность и человечность, так подобающие юбилею. Если хотите остаться на праздной, но высокопарной волне, «пир духа» произносится с чувством, толком, расстановкой, знаменитой мхатовской паузой. А можно быстро, в одно слово, убирая всякий пафос. Ведь театр – дело веселенькое, как любил повторять Олег Палыч, Олег Второй Табаков. А отец-основатель Станиславский-Алексеев вот так формулировал: «В театре должно все быть проще, легче, выше, веселей». Веселей, понимаете.

Ах, какое удовольствие было слушать всех их: Бартошевича, Любимова, Башмета, Швыдкого, Мессерера, знаменитого педагога по сценической речи Школы-студии Анну Петрову, художника-дизайнера Елену Афанасьеву...

А какие артисты были, вспоминали! И как вспоминали! Станислав Любшин, Авангард Леонтьев, Игорь Золотовицкий, Евгения

Добровольская, Александр Семчев (да, он уже совсем другой, от того толстяка ничего не осталось), Марина Зудина и... тут играют туш, бьют литавры – Константин Хабенский собственной персоной, художественный руководитель и просто артист, что звучит гордо. Он со всеми на «ты», прост и демократичен, как, правда, вышел он весь из народа.

Ну, вы понимаете: там, где Мессерер, там, значит, и Ахмадулина, друг театра; если Тенякова, то и Юрский, поставивший в МХТ в самом начале 90-х, в новую эру, спектакль-легенду «Игроки XXI» по Гоголю с замечательными Калягиным, Филатовым, Хазановым, Невинным... Ну а где Марина Зудина, там он, Олег Табаков, «старик Зудин», для всех родной и близкий, и каждому было что вспомнить заветного, сокровенного.

А какие режиссеры здесь сидели – Гинкас, Шапиро, заслушаешься. Да, грустно и смешно, трепетно и беспокойно.

Театр – дело веселенькое, но и юбилей тоже веселенькое дело. Артисты, сукины дети, святые и грешные, сказали свое слово об Олеге Ефремове, Вещем Олеге. Как мхатовские старики позвали его спасти театр Станиславского и Немировича; как он с задором взялся за дело, словно за волосы стал вытаскивать театр из болота... Как сам показывал бесподобно артистам, что играть... А потом раскол, лучшие – за мной, остальные – на выход, за Дорониной... Об этом очень мало вспоминали, потому что то была трагедия. С реформой, по большому счету, ничего не вышло (и об этом не говорили). А я помню: 100-летие МХАТа, Большая сцена. 1998-й, дефолтный. На сцене столики с едой. Стоит Ефремов, выступает. Говорит очень важные слова. О развитии театра, о кризисе театра, об основоположниках с традициями... Но его никто не слушает, не слышит. Только звон тарелок раздаётся, вилок, ложек, ножей. Дефолтный, голодный год, артисты хотят есть, им не до высокого. А Ефремов – будто король Лир или Дон Кихот, воюющий с ветряными мельницами. Как там в «Берегись автомобиля», когда молодой Ефремов на фоне портрета Станиславского громогласно: «Спектакля не будет!» Но он был.

...А потом пришел Олег II, эффективный менеджер и гениальный артист, и все исправил.

Затем пришел Женовач. И ушел... А теперь Хабенский.

Юбилей – дело веселенькое. Но вот по «Культуре» четыре прекрасных спектакля МХАТа: два чеховских – «Иванов» со Смоктуновским, «Чайка» с Невинным, Мирошниченко, молодым Женей Мироновым; «Тартюф» от Эфроса и «Кабала святош» от Шапиро. Знаете, по-моему, это тихий ужас, телевидение просто убивает Чехова. Воздвигает между театром и зрителем четвертую, пятую стену. Антон Павлович становится скучным, неактуальным, несовременным. Не смотрите больше Чехова по телевизору (за редким исключением – Туминас или когда-то Товстоногов). «Ступайте, ступайте в театр, живите и умрите в нем, если можете».

...И я переключил Чехова на футбол, на «Матч ТВ», на Лигу чемпионов. О, вот где истинный театр переживаний и представлений, вот где «я в предлагаемых обстоятельствах», вот где рухнет пресловутая четвертая стена! Вот где режиссерский, тренерский театр, где сверхзадача и импровизация! Не зря же МХАТ всегда болел за «Спартак» – родственные души. Пусть «Спартак» уже не тот, зато есть другие: оба «Манчестера», «Милан», «Наполи», «Бавария», ПСЖ...

Но сегодня, в эти дни, давайте дружно грянем, несмотря ни на что... Ну, фанаты: «МХТ – чемпион!» И ни пуха, ни пера. К черту!

БЫЛИ ЛЮДИ В НАШЕ ВРЕМЯ...

Этот фильм по «Культуре» я смотрел, затаив дыхание, боялся пропустить хоть слово, хоть кадр. «Слово о старшем друге. Политобозы» называется. Автор – Сергей Алексеев, спецкор ЦТ в Индии и Вьетнаме. О международных ТВ-обозревателях брежневской поры, кумирах моего детства. Со многими из них потом посчастливилось встретиться.

Да, они служили идеологии, партии, ЦК. Да, все были

коммунистами. Но какие люди, что за люди! Личности. Богатыри – не вы. Таких уже не делают.

Каждого вспоминаю с нежностью, не меньше. А как же?!

Вот Бовин Александр Евгеньевич. Друг Брежнева, референт Брежнева. Оттого на ТВ позволял себе больше, чем другие. У народа глаза на лоб вылезали, волосы на голове шевелились: неужели и так можно? Да, можно, хотя ввод войск в Афганистан он все равно оправдывал. Мы встретились с ним в его кабинете в «Известиях», когда он уже вернулся из Израиля, где работал послом. О, для меня это было таким счастьем... А потом я пришел к нему домой отдавать текст на сверку. Он вышел в ослепительно-белом халате, наверное, только что после душа, усы в разные стороны, как морж. Любимый политобоз моего папы.

С Валентином Зориным, знаменитым американистом, ведущим «9-й студии» и «Сегодня в мире» мы разговаривали на «Радио России». Мэтру исполнялось 85, но он ничуть не менялся, был в форме, на пенсию не собирался. Вспомнился анекдот времен разрядки и застоя: встречаются Зорин и Киссинджер. «Вы еврей?» – спрашивает Киссинджер Зорина. «Нет, я русский». – «А я американский». Они действительно были очень похожи.

Игорь Фесуненко после увольнения всех советских обозревателей работал на окружном телевидении, местном, если не сказать – местечковом канале. Да, тот самый Фесуненко, брат по крови, болельщик милостью божией, фанат сборной Бразилии, друг Пеле и вообще рассказывающий нам о футболе как о религии. А еще он был иронист, юморист и борец за мир. Блистательный человек.

К корреспонденту ТВ СССР во Франции Георгию Зубкову я пришел на дом. Ему исполнялось 90. Был сильный дождь, я весь промок. Георгий Иванович с женой, увидев мой жалкий вид, велели мне снять носки и дали свои, сухие, зубковские. Напоили горячим чаем, накормили, и только потом началась наша беседа. О Зубкове ходил такой мем. Программа «Время», репортаж, появляется Георгий Иванович во всей красе с микрофоном:

«Празднично наряжены рождественские елки, но невеселы глаза простых парижан». Здесь можно было подставить по методичке «ньюйоркцев», «лондонцев» и – «огласите весь список, пожалуйста»: про безработицу, налоги, вечное подорожание, галопирующую инфляцию. А мы восхищенно смотрели на эти предновогодние картинки и мечтали сначала увидеть Париж, а потом уже умереть. Когда я напомнил Георгию Ивановичу эту притказку, он долго и по-доброму смеялся. Что было, то было.

Генрих Боровик – единственный из политобозревателей, кто сейчас жив. Мы с ним встречались неоднократно и у него дома, и на работе. У Боровика будто две жизни. В первой весьма успешный боец идеологического фронта. Есть запись его очень обидных слов про Довлатова, о которых сейчас, наверное, он жалеет. При этом встречи, интервью с Хемингуэем, Фиделем, Керенским, книги, пьесы, постановки в театре... И вторая жизнь после гибели сына Артема. Здесь Боровик – человек трагический, человек мудрый и очень достойный.

...И были еще другие великолепные журналисты: Александр Каверзнев, умница, голубоглазый красавец, умерший сразу после командировки в Афганистан. Владимир Цветов, не вылезавший из Японии, со своими сюжетами-шедеврами, заставившими влюбиться в Страну восходящего солнца. Всеволод Овчинников, работавший в Китае и в Японии, сохранивший даже в то время безупречную репутацию. Фарид Сейфуль-Мулюков, человек энциклопедических знаний по Ближнему Востоку и арабскому миру. Борис Калягин, в брежневские годы молодой да ранний репортер в Англии. Помню, как в Москву с визитом приехала Маргарет Тэтчер. На нее бросили трех советских обозревателей, Калягин был среди них, и «железная леди» влегкую сделала всех троих, заговорив их... Георгий Арбатов, Станислав Кондрашов... Список неполный, много их было.

«Да, были люди в наше время, не то, что нынешнее племя». Таких больше не делают.

